

О. Л. Фетисенко

«ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ»,
ИЛИ О ТОМ, ЧТО КОНСУЛ ЛЕОНТЬЕВ
УПУСТИЛ ИЗ ВИДУ НА ВОСТОКЕ

Резюме

Дипломатическая служба в греческих и славянских землях Турецкой империи сформировала Леонтьева и как писателя (выведа его на богатую «восточную» тему), и как политического мыслителя. Здесь родилась, например, его концепция «византизма». Однако, как показано в статье, целый пласт впечатлений остался для него незамеченным. Увлеченный турецким и греко-славянским миром, Леонтьев оказался совершенно равнодушен к другим культурным явлениям — к общению с европейскими коллегами, среди которых на его пути не раз встречались весьма интересные личности.

Ключевые слова: К. Н. Леонтьев, биография, консульская служба, дипломатические донесения, отношение к европейцам, мемуарная и художественная проза

Olga L. Fetisenko

“PRIDE AND PREJUDICE”,
OR WHAT CONSUL LEONTIEV OVERLOOKED
IN THE EAST

Abstract

The diplomatic service in the Greek and Slavic lands of the Ottoman Empire shaped Konstantin Leontiev as a writer and political thinker. His concept of “Byzantism” was born here. However, a whole layer of impressions remained unnoticed by him. Passionate about his studies, Leontiev remained indifferent to communicating with his European colleagues, among whom were very interesting people.

Keywords: Konstantin Leontiev, biography, consular activity, diplomatic reports, attitude towards Europeans, memoirs, novels

DOI DOI 10.31860/2712-7591-2021-4-145-156

Середина земной жизни Константина Леонтьева (1831–1891) приходится на годы его дипломатической службы¹. Это и самые счастливые годы, наставшие после тяжелых «петербургских зим» 1861–1863 гг., и последовавшее за периодом разнообразных удач время нового духовного кризиса. К концу 1860-х гг. Леонтьев словно устал от своей «успешности» (он знал, что князь Горчаков с похвалой отмечает его донесения и что ему прочат генеральное консульство), почувствовал за ней суету сует. Его преследует странная тоска, которая разрешится тяжелой болезнью, искренним раскаянием в грехах и религиозным обращением, повлекшим за собой в дальнейшем выход в отставку.

География и хронология передвижений Леонтьева-дипломата выглядит так: Петербург, Азиатский департамент (1863) — Крит (Кандия, Халеппа; конец 1863 — июнь 1864) — Константинополь (июнь — сентябрь 1864), куда он был вызван фактически на негласный суд после инцидента с французским консулом², но был полностью оправдан и даже получил повышение, — Фракия, Адрианополь (1864–1866) — Константинополь (зима 1866/67, отпуск) — снова Адрианополь (1867) — Нижний Дунай, Тульча, вице-консульство (сентябрь 1867 — сентябрь 1868) — отпуск в Петербурге (октябрь 1868 — начало февраля 1869) — Эпир, Янина, консульство (1869 — май 1871) — Македония, Салоники (1871) — Афон — Константинополь, выход в отставку (конец 1872), жизнь на о. Халки (1873 — май 1874) — возвращение в Россию.

Яркие впечатления дипломатической службы отражены в художественных произведениях Леонтьева (в цикле «восточных повестей», романах «Одиссей Полихрониадес» и «Египетский голубь») и в его мемуарных очерках («Мои воспоминания о Фракии», циклы «Консульские рассказы» и «Из прежних встреч и знакомств за границей и в России»), статьях «Грамотность и народность», «Русские, греки и юго-славяне» и др.³

¹ Об этом периоде см.: [Коноплянцев, с. 58–92; Губастов; Косик; Жуков; Фетисенко 2017]. Значительная часть дипломатических донесений Леонтьева была издана (с неточностями) в 2003 г. [Дипломатические донесения], ряд донесений впервые был опубликован В. И. Косиком [Русия]. См. также отведенную им первую книгу т. 10 в Полном собрании сочинений и писем Леонтьева, вышедшую в 2017 г. [Леонтьев, т. 10, кн. 1].

² Леонтьев ударил хлыстом консула А. Дерше, уничижительно отозвавшегося о России.

³ См.: [Леонтьев, т. 3–8, кн. 1].

Леонтьев не только внимательно наблюдал, но, можно сказать, изучал Восток, и с особенным интересом — наших единоверцев, южных славян и греков⁴, но он не принадлежал к характерному типу консула-археолога, этнографа или консула-журналиста. Его взгляд — это прежде всего взгляд художника. Однако в греко-славянских землях Турции посещают его и озарения теоретические — зерно будущих работ («Византизм и Славянство», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения») возникает именно здесь. Именно в годы службы в Турецкой империи Леонтьев начинает формироваться как философ и политический мыслитель.

Усиленное внимание Леонтьев уделял тому, чтобы завязать неофициальные отношения с представителями турецкой власти — пашами и их ближайшими сотрудниками⁵, а также с наиболее интересными для него представителями коренного населения Балкан. К европейским же коллегам он относился свысока (может быть, и они так же третировали русских?), выделяя с явным интересом лишь сильных «врагов», с которыми надо было быть начеку (как Дж.-И. Блант⁶ в Адрианополе), или занятых чудаков — один из таких описан в «Одиссее Полихрониадесе» под именем англичанина-туркофила Корбета де Леси. В последние годы своей службы он и вовсе будет избегать встреч с европейцами, но ранее, в 1865 г., Леонтьев признавал необходимость личных контактов, сожалел, что в Адрианополе в консульской среде «нет тех случаев сближения и незаметных, но сильных влияний, которые не могут развиться при коротких деловых и официальных посещениях» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 38]. Если с кем-то он и сближался, то или с самыми «курьезными» и одновременно самыми несдержанными — теми, кто мог проговориться и невольно сообщить что-то ценное с политической точки зрения (таким был австрийский консул в Адрианополе, прусак по происхождению, Камерлохер, описанный под собственным именем в «Египетском голубе», а ранее — под именем Öстеррайхера в «Одиссее Полихрониадесе»), или с теми, кто был ему чем-то близок по характеру и вкусам.

Такие случаи были крайне редки. Одно из редких приятных для Леонтьева «европейских» знакомств — это далматинец (а на самом деле черногорец из г. Пераста⁷) Векослав Антонов (Луиджи) Вискович (1828—1891),

⁴ См.: [Косик; Фетисенко 2010; Фетисенко 2020].

⁵ Среди греков Янины Леонтьев даже прослыл «турколатрисом» (туркоугодником). См. об этом в письме его бывшего подчиненного, И. П. Крылова: [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 360–361].

⁶ В текстах Леонтьева — Блонт.

⁷ Сейчас в музее г. Пераста выставлен портрет видного земляка. В 2019 г. здесь устраивалась посвященная ему выставка. См.: <https://montenegrina.net/fokus/perast-izlozba-konte-luidi-paolo-marija-viskovic-1828-1891-znameniti-pomorski-kapetan-konzul-i-rodoljub>.

австрийский вице-консул в Тульче, бывший капитан, позднее — генеральный консул в Бриндизи. Леонтьев сделал его прототипом одного из героев романа «Одиссей Полихрониадес»; правда, эта линия осталась незавершенной, как и сам роман.

Сблизившись с русским вице-консулом, Вискович не раз выступал его информантом. 2 ноября 1867 г. Леонтьев докладывал в посольство (с копией в Азиатский департамент): «...Вискович (далматинец родом) сообщил мне (под величайшей тайной и с просьбой не обозначать никому его имени)⁸ подробности о человеке, который был главной и скрытой пружиной трагедии, разыгравшейся к стыду Австрии на пароходе „Германия“»⁹ [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 141]. В том же донесении далее говорится, что Вискович «под теми же условиями строжайшей тайны» поведал о том, что поляки-эмигранты отправили некоего Очковского в Руцук, предлагал «принять меры» [Там же, с. 142]. «Как объяснить эту последнюю откровенность г. Висковича? Как хитрость австрийского чиновника, желавшего выпытать от меня о каких-нибудь принятых мною мерах? Или как невольное движение прямого по природе и доброго далматинского моряка, в котором пробудилось славянское чувство? Я думаю, — как то и другое вместе...» — заключал Леонтьев [Там же].

Не исключено, что Вискович — тот самый «неизвестный» помощник, кто снабдил Леонтьева подробной картой Тульчинского каймакамыка [Там же, с. 135]. Леонтьев пользовался «природным добродушием» коллеги и, рассчитывая на «его славянское происхождение» [Там же, с. 143], видимо, не раз прибегал к его помощи.

Но подобные отношения коллег — это редчайшее исключение, и, конечно, славянское происхождение бывшего моряка сыграло здесь определяющую роль. Можно предположить, что консулы сторонились друг друга, чтобы не навлечь подозрений со стороны местных жителей, ревностно за всем следящих, или своих же подчиненных, которые могли донести начальству. Однако ничто ведь не мешало — не слишком сблизаясь — хотя бы наблюдать коллег со стороны? Это, несомненно, принесло бы службе больше пользы, чем то затворничество, которое Леонтьев в своем «обрусении» предпринял (конечно, на привычку к «затвору» повлияла еще и болезнь горла, последствие развивавшейся в юности чахотки, — уже в Янине он

⁸ Получается, что Леонтьев не выполнил его просьбу.

⁹ Речь идет об убийстве при попытке сопротивления во время ареста 8 августа 1867 г. на австрийском пароходе «Германия» серба Цветко Павловича и болгарина Николы Ворбанова-Войводовова, участников болгарского восстания против турецкого владычества.

не хотел зимой лишний раз выходить из комнаты). Среди европейских коллег Леонтьева были настолько интересные люди, что даже странно — как он (художник!) мог этого не заметить. Рассмотрим всё по порядку.

Адрианополь

Получив назначение в Адрианополь — заменить уходящего в долгий отпуск Михаила Игнатьевича Золотарева (нач. 1830-х — 1870), а в дальнейшем остаться у него же секретарем, Леонтьев застал во французском консульстве пожилого дипломата — консула Анри Гиза (1787–1878; полное имя: Пьер-Франсуа-Мари-Анри), получившего назначение в Адрианополь в том же 1864 г. Он прослужит здесь до апреля 1867 г. (но и Леонтьев вскоре тоже получит новое назначение). До Адрианополя Гиз служил консулом в Бейруте (1837), Алеппо (1838–1847), Могадоре (Марокко; 1858–1861), был награжден орденом Почетного легиона (1833). Он член Академии Марселя, автор книг «Un dervich algérien en Syrie» («Алжирский дервиш в Сирии»; Paris, 1854), «Esquisse de l'état politique et commercial de la Syrie» («Очерк политического и торгового положения Сирии»; Paris, 1860), «La nation druse» («Народ друзы»; Paris, 1863; впервые: Revue de Marseille. 1860. Août) и др. В романе «Египетский голубь» Гиз послужил прототипом консула де-Шервиля.

Леонтьев почтенного французского коллегу, в общем, ценит, даже с похвалой отзываясь о нем в донесениях к Н. П. Игнатьеву. Что же его располагает к себе? То, что француз «не стремится посмеяться над монахами-католиками» и даже приходит к Леонтьеву «искать защиты исторического величия Церкви Понтифика и услуг, которые Папство оказало человечеству». «Благородный характер г. Гиза, одновременно миролюбивый и прямой, мало готовый к интриге <...> живой ум <...> доброта <...> легкие манеры (в которых вовсе нет мещанской гордости, обнаруживающейся со всей неловкостью у большинства французских служащих)...» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 27].

С уверенностью можно сказать: когда Леонтьев впоследствии будет высмеивать и обличать современных французов, утративших всякое понятие о культуре, это не может относиться к Гизу, человеку, рожденному еще при «старом режиме». Возможно, он мысленно с ним и сравнивал тех, кого встречал раньше (как, например, Дерше на Крите) или позднее. В очерке «Мои воспоминания о Фракии» Леонтьев характеризует Гиза как «человека образованного и не лишённого вкуса» [Леонтьев, т. 6, кн. 1, с. 148]. Но в очерке ничего не говорится о его научной деятельности, ничто не свидетельствует и о каких-либо более теплых «личных контактах». Может быть,

Леонтьеву тогда в Адрианополе просто было неинтересно беседовать со стариком (о чем он потом мог пожалеть), или, возможно, он не хотел привлекать внимание греческих старшин, и прежде всего своего собственного драгомана Эммануила Сакелларио, очевидного франкофоба. Напротив, в сохранившихся донесениях почти ничего не говорится об австрийском консуле Камерлохере, между тем именно с ним Леонтьев проводил свободное время (как уже было сказано, для двух персонажей его романов этот колоритный консул стал прототипом).

18 апреля 1867 г. Леонтьев пишет в очередном донесении: «Французский Консул г. Гиз сменен. — Французское Пр(авительств)во будет иметь здесь отныне Вице-Консульство без секретаря и с одним драгоманом. — Сюда прибудет из Эрзерума г. де-Куртуа, как слышно, весьма набожный Католик.

Нет сомнения, что г. Гиз удален отсюда за нерадение к делам Пропаганды и вследствие интриг известного поляка Подхайского» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 116].

Новым представителем Франции в Адрианополе действительно стал ревностный католик Жозеф-Альбер де Куртуа (1831—1922; его однофамилец или родственник Альфред де Куртуа (1828—1869), дипломат и писатель, был секретарем посольств в Гамбурге, Петербурге и Мадриде). Новый вице-консул прибыл в Адрианополь в конце мая 1867 г., служил здесь по крайней мере до 1871 г., а впоследствии был консулом в Льеже. Сменивший Леонтьева в адрианопольском консульстве К. А. Губастов писал о нем 30 января 1868 г.: «Что Вам сказать о Куртуа? Мне он нравится — веселый, талантливый (он рисует и играет на фортепьяно), не глупый и образованный француз; Приматам¹⁰ же он вовсе не по нутру» (цит. по: [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 446]). Леонтьев на это отвечал 29 февраля: «Не вижу я (...) чтобы мое влияние на Вас было сильно, уже потому, что Вам *Courtois* не претит, а мне претит всякий француз» [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 257]. Позднейший отзыв Губастова о Куртуа в его мемуарах ближе к леонтьевской оценке: «О французе *Courtois* можно только сказать, что он был совершенное ничтожество»¹¹.

Де Куртуа был призван способствовать католическому миссионерству. Помогал же ему в этом Викторен Галабер (1830—1885), французский священник-миссионер из ордена ассомпционистов, основатель Восточной миссии в Константинополе (1862) и его отделения и школы Св. Андрея (*école primaire Saint-André*) для детей болгар-униатов в Адрианополе (1864), на-

¹⁰ *Приматы* — старшины греческой и болгарской общин.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 39.

чавший свою деятельность во Фракии еще при Гизе¹². В письме к филиппопольским братьям-ассомпционистам из Адрианополя от 23 апреля 1867 г. о. Викторен сообщал как верное известие, что консульство в Адрианополе станет вице-консульством и что этот пост займет де Куртуа, благоволящий к миссии, а Гиз уедет через два месяца [Galabert, p. 437]. Об искренней религиозности де Куртуа о. Викторен говорит в письме к о. Франсуа Пикару от 19 октября 1867 г. [Ibid, p. 481]. Галабер упоминается в леонтьевских донесениях [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 116, 122], однако о каких-либо личных встречах ничего не известно.

Тульча

Сюда, на Нижний Дунай, часто заезжали небезынтересные путешественники-«шпионы», в частности австрийские (например, некий «геолог» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 135]), но они мало занимают русского вице-консула. Леонтьев общается со старым Сулейманом-пашой, с греческим консулом Николаидисом и с уже упомянутым нами австрийским Висковичем. Он полностью занят крайне симпатичными ему старообрядцами-«липованами», проблемами русского пароходства на Дунае и порученной ему слежкой за поляками-эмигрантами. Мы даже не знаем, кто были другие его коллеги, за исключением Адриена Лангле (1840—1883), будущего консула в Иерусалиме. В 1867 г. тому было всего 27 лет, и он для Леонтьева, вероятно, не представлял ни малейшего интереса¹³.

Янина

Находясь в Петербурге в долгожданном отпуске, Леонтьев, вопреки своим ожиданиям, получает назначение в глухую албанскую Янину. Отдаление от европейцев у него к этому времени все больше нарастает. В донесении от 7 июля 1869 г. есть фрагмент, в котором высказывается соображение о пользе для русских консулов на Востоке держаться обособленно от западных коллег. В Азиатском департаменте эту фразу, удивившись, отчеркнули на полях. Вот этот фрагмент:

«Я твердо убежден, что даже при тех не совсем выгодных условиях, в которые ставит иногда нас зависть и злоба Запада, Русский Консул может во всяком городе Турции достичь влияния, за которым не угоняться ни английским джентельменам *(так!)*, большею частию довольно тупым, ни полити-

¹² Его письма адрианопольского периода см.: [Galabert].

¹³ Впрочем, какое-то внеслужбное общение у них существовало, свидетельством чему служит сохранившаяся записка Леонтьева с ответом Лангле на ней же [Леонтьев, т. 11, кн. 1, с. 259–260, 645].

чески слабым, не имеющим здесь под ногами почвы Австрийским Консулам, ни тем азартно воинственным нахалам, которых посылает на Восток „Вторая Империя“. Для достижения этого личного влияния достаточно двух условий: хороших отношений с турецким начальством и умения угодить Христианам.

При этих двух условиях Русский Консул может держаться особняком, сохраняя с своими коллегами лишь наружную вежливость.

А чем более держится он особняком, тем более выигрывает в глазах населения» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 233–234].

Кроме того, Леонтьев в Янине слишком занят своими семейными делами. В это время у него дважды подолгу гостит М. В. Леонтьева, отношения с которой именно здесь переходят границы дружбы дяди и племянницы. Занятый своим семейным «треугольником», он упускает в этом городе очень интересное общение с западными коллегами. Даже замечание Губастова в одном из писем, что в Янине собрался цвет дипломатии (см. об этом ниже), не меняет его скучающего пренебрежения.

Австрийским консульством в Эпире управлял в 1866–1870 гг. Юлиус Цвидинек фон Зюденхорст (1833–1918), позднее получивший баронский титул. Ничего в нем, может быть, и не было интересного для славянофила, кроме того, что он моравского происхождения. Вот бы Леонтьеву случай изучать западных славян, которые, по его мысли, теперь стали лишь «переводом с немецкого»¹⁴, и попытаться приобрести союзника, подобного Висковичу. Но, возможно, характер коллеги к тому не располагал.

Леонтьев сообщает начальству 7 июля 1869 г.: «...прибыл сюда г. д'Озон, Французский Консул в Эпире» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 232]. Его не нужно смешивать с известным ориенталистом Мураджей Д'Оссоном (1740–1807), и он не менее интересен. Огюст Дозон (Dozon; 1822–1890) — французский дипломат, лингвист, фольклорист, переводчик; консул в Белграде (1854–1863), Мостаре (1863–1865, 1875–1878), Филиппополе (1865–1869), Янине (1869–1875), на Кипре (1878–1881), в Салониках (1881–1885). Губастов 23 сентября 1869 г. спрашивал Леонтьева: «Как Вы довольны Вашими коллегами? Судя по слухам, Консульского тела¹⁵ в Янине такое, какого нигде нет: у Вас знаменитый Хан, не менее славный Дозон (которого я немного знаю; если он меня помнит, то faites lui mes compliments¹⁶)» — цит. по: [Леонтьев, т. 10, кн. 2, с. 518]. Саму дипломатическую карьеру Дозон выбрал потому, что испытывал страстный интерес к редким иностранным языкам. К описываемому времени он уже выпустил сборник сербских на-

¹⁴ Ср.: [Леонтьев, т. 7, кн. 1, с. 337].

¹⁵ Консульский корпус, *болг.*

¹⁶ Передайте ему мои поздравления, *фр.*

родных песен (L'épopée serbe. Chants populaires héroïques; 1859), а позднее издал сборники болгарских песен (Chansons populaires bulgares inédites; 1875), албанских легенд (Contes albanais; 1881), составил учебник албанского языка (Manuel de la langue chkipe, ou albanaise; 1879).

Упомянутый Губастовым Иоганн-Георг фон Хан (1811—1869), австрийский дипломат и лингвист и фольклорист, основатель албанистики как научной дисциплины¹⁷, служил вице-консулом в Янине значительно раньше — в 1847—1857 гг.; в 1869 г. он был генеральным консулом в Афинах. Если Губастов датировал свое письмо новым стилем, то дата его написания приходится как раз на день смерти консула Хана в Иене. Интересно, что именно под руководством Хана О. Дозон начал изучать албанский язык.

Леонтьев приобрел стойкое предубеждение к Дозону после первого же известия о нем — о том, как француз «уехал отсюда в Превезу, возмущенный тем, что Паша принимал его в *туфлях*». В своем донесении русский консул поясняет: «...вскоре после этого Паша жаловался мне на скучное церемонимейстерство европейцев, и я сказал ему на это, что „смотреть на них нечего и что ни русские, ни турки не обязаны в дни не торжественные рабски влачиться за их условными приличиями“» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 233]. Правда, его несколько примирило с коллегой то, что француз «женится на молодой гречанке из Св. Мавры»: «Я думаю, что этот брак повлияет хоть немного на его личные симпатии и принесет, быть может, при случае какую-нибудь пользу здешним единоверцам нашим. Г. д'Озон терпеть не может турок и служит, кажется, лишь по нужде» [Там же, с. 235].

Еще один янинский коллега Леонтьева — это «честный и ограниченный британский агент г. Стюарт» [Там же, с. 233]. Ирландец Роберт Стюарт (1812—1901), майор британской армии, ветеран Крымской войны, вице-консул в Воло (с 1858), консул в Янине (с 1861), генеральный консул в Одессе (1873), на Гаити (1874); член Королевского Географического общества. В 1856 г., например, он принял участие в экспедиции на г. Арарат. Странно, что Леонтьев, с таким интересом присматривавшийся в Крыму — после заключения мира — к английским офицерам, здесь при возможности частых встреч не испытывает никакого желания узнать поближе одного из них.

Но вот янинское «консульское тело» получает интересное и неожиданное пополнение. В донесении от 8 октября 1869 г. Леонтьев сообщает: «...Итальянское Правительство открыло здесь Консульство» [Там же, с. 235]. До 1869 г. в Янине действовали только итальянские консульские агенты (в романе «Одиссей Полихрониадес» описан такой агент — ловкий

¹⁷ См. о нем: [Grimm].

и обходительный портной Какачио). Леонтьев докладывает, что консулом Италии будет «г. de Gubernatis» [Там же], который в момент написания этого донесения еще не прибыл в Янину. Леонтьев пишет фамилию нового коллеги на французский манер, правильное итальянское написание: De Gubernatis. Энрико де Губернатис (1836–1914) — итальянский дипломат и ученый, консул в Тунисе (1860-е), Янине (1869–1875) — происходил из славной семьи. Это брат педагога и феминистки Терезы де Губернатис (1832–1893) и известного востоковеда Анджелино де Губернатиса (1840–1913); автор книг «Lettere sulla Tunisia e specialmente sulle Province de Susa e Monastir» («Письма о Тунисе и особенно о провинциях Суса и Монастир»; Firenze (Флоренция), 1867; в приложении были помещены два «археологических письма» Орацио Антинори), «L'Epiro: Relazione d'un viaggio da Janina a Valona del socio Enrico De Gubernatis» («Эпир: Отчет о путешествии из Янины в Валлону», 1872), «Aidoneo e San Donato: studio di mitologia epirotica» («Аидоней и Сан Донато: исследование по эпирской мифологии»; [Milano], 1874¹⁸), «Memorie Italiane nelle isole Jonie» («Итальянские памятники на Ионических островах»; Milano, 1908); составитель атласа Эпира: Carta d'Epiro compilata dietro gli studi fatti negli anni 1869–75 dal R° Console De Gubernatis («Атлас Эпира, составленный в результате исследований, проведенных в 1869–1875 гг. королевским консулом де Губернатисом»; Roma, 1879; 2-е изд.: Roma, 1880), пояснения к этой работе содержатся в книге «Cenno sull'Epiro e sulla nuova Carta» («Заметки об Эпире и новом атласе»; Roma, 1880); издатель сборника «Turchia. Il Libano dal 1825 al 1892. Rapporto del region console generale in Beirut» («Турция. Ливан с 1825 по 1892. Донесения генеральных консулов в Бейруте»; Roma, 1894).

Вот как Леонтьев отозвался о нем в донесении Игнатьеву от 1 января 1871 г.: «Г. Губернатис — человек, не лишенный ума и познаний; он очень хороший и сговорчивый товарищ; но несчастье в том, что он никак не может удовлетвориться тем положением *пассивного наблюдателя*, которым удовлетворяются, сообразуясь с нынешними обстоятельствами, все другие Консула в Эпире» [Леонтьев, т. 10, кн. 1, с. 290].

Это написано как комментарий к сообщению о том, что Губернатис предложил греческой гимназии «выхлопотать от своего Правительства довольно значительное денежное вспомоществование этому учебному заведению и выписать для него одного учителя» [Там же, с. 289–290]. Ограничив-

¹⁸ Аидоней (Невидимый; одно из имен бога Аида) — мифический царь молоссов в Эпире, муж богини Персефоны; священномученик Донат (? — ок. 362) — епископ Ареццо, особо почитаем на севере Италии, откуда родом был туринец де Губернатис.

шись констатацией «ума и познаний» коллеги, Леонтьев, видимо, мало что почерпнул из их встреч. Так мимо него прошла богатая тема греко-итальянских взаимовлияний.

Сало́ники

В леонтьевских донесениях из столицы Македонского вилайета вовсе нет упоминаний о западных коллегах. Но и каких-либо дел «политического» характера там тоже не было. Там преобладала рутинная консульская служба в прямом смысле слова (выдача виз, дела по наследству и оформление финансовых документов и т. п.)¹⁹, а для нее у Леонтьева «не было ни бюрократических способностей, ни выдержки, ни вожделений» [Губастов, с. 226]. М. В. Леонтьева запомнила, что ее дядя общался только с молодым английским консулом, ценя его, «потому что он был на Афоне и хвалил богослужение в Русском Пантелеймоновском монастыре», — цит. по: [Леонтьев, т. 6, кн. 2, с. 107]. «Визитами служебными к нему европейских Консулов, турецкого Паши и некоторых греков-коммерсантов — он очень тяготился и бывал только тем доволен, что „разносил Европу“ (по его выражению) — европейским же Консулам и турецкому Паше, — который по этому поводу решил, что Русский Консул как будто помешан» [Там же, с. 109]. Дипломатическая карьера Леонтьева в это время завершалась, как завершается и мой рассказ.

Литература

- Губастов — Губастов К. А. Из личных воспоминаний о К. Н. Леонтьеве // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г.: Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 185–234.
- Дипломатические донесения — Константин Николаевич Леонтьев. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты (1865–1872). М.: РОССПЭН, 2003. 528 с.
- Долгов — Долгов К. М. Восхождение на Афон: Жизнь и мирозерцание Константина Леонтьева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Отчий дом, 2008. 719 с.
- Жуков — Жуков К. А. Восточный вопрос в историософской концепции К. Н. Леонтьева. СПб.: Алетейя, 2006. 228 с.
- Коноплянцев — Коноплянцев А. М. Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его мирозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. † 1891 г. Лит. сб. СПб.: Тип. «Сириус», 1911. С. 1–142.
- Косик — Косик В. И. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М.: Зерцало, 1997. 240 с.
- Леонтьев — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.] / Подгот. текста и коммент. В. А. Котельникова и О. Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2000–2021.

¹⁹ Ряд подобных документов приведен в издании: [Долгов].

- Русия — Русия и българското национално-освободително движение, 1856–1876: Документи и материали. София, 1990. Т. 2. 507 с.
- Фетисенко 2010 — *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев: «Турецкий игумен» в «славянском монастыре» // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6. С. 165–196.
- Фетисенко 2017 — *Фетисенко О. Л.* Константин Леонтьев на коронной и частной службе // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. [19 кн.]. СПб.: Владимир Даль, 2017. Т. 10, кн. 1. С. 319–383.
- Фетисенко 2020 — *Фетисенко О. Л.* «Наследники Византии» глазами друзей и недругов: (Русская государственность как сквозная тема «восточных повестей» К. Н. Леонтьева) // Два века русской классики. 2020. № 4. С. 250–259.
- Galabert — *Lettres du P. Victorin Galabert.* Rome, 2014. Т. 3: 1865–1867. 565 p.
- Grimm — *Grimm G. Johann Georg von Hahn (1811–1869): Leben und Werk.* Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1964. 385 S. (Albanische Forschungen; Vol. 1).

References

- Dolgov, K. M. (2008). *Voskhozhdenie na Afon. Zhizn' i mirosozertsanie Konstantina Leont'eva*. 3 ed. Moscow: Otchii dom. 719 p.
- Fetisenko, O. L. (2017). 'Konstantin Leont'ev na koronnoi i chastnoi sluzhbe', in: Leont'ev, K. N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. Saint Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. 17, 1, 319–383.
- Fetisenko, O. L. (2010). 'Konstantin Leont'ev: "Turetskii igumen" v "slavyanskom monastyre"', in: *Khristianstvo i russkaya literatura*. Saint Petersburg: Nauka. Vol. 6, 165–196.
- Fetisenko, O. L. (2020). "'Nasledniki Vizantii" glazami druzei i nedrugov. (Russkaya gosudarstvennost' kak skvoznaya tema "vostochnykh povestei" K. N. Leont'eva)', *Dva veka russkoi klassiki*, 4, 250–259.
- Grimm, G. (1964). *Johann Georg von Hahn (1811–1869). Leben und Werk*. Wiesbaden: O. Harrassowitz. 385 p. (Albanische Forschungen; Vol. 1).
- Gubastov, K. A. (1911). 'Iz lichnykh vospominanii o K. N. Leont'eva', in: *Pamyati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya "Sirius", 185–234.
- Konoplyantsev, A. M. (1911). 'Zhizn' K. N. Leont'eva v sviazi s razvitiem ego mirosozertsaniya', in: *Pamiati Konstantina Nikolaevicha Leont'eva. Literaturnyi sbornik*. Saint Petersburg: Tipografiya "Sirius", 1–142.
- Kosik, V. I. (1997). *Konstantin Leont'ev: razmyshleniya na slavyanskuyu temu*. Moscow: Zertsalo. 240 p.
- Konstantin Nikolaevich Leont'ev. Diplomaticheskie doneseniya, pis'ma, zapiski, otchety (1865–1872)* (2003). Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 528 p.
- Leont'ev, K. N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 12 vols. V. A. Kotel'nikov, O. L. Fetisenko, eds. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Lettres du P. Victorin Galabert* (2014). Vol. 3: 1865–1867. Rome. 565 p.
- Rusiya i bylgarskoto natsionalno-osvoboditelno dvizhenie, 1856–1876: Dokumenti i materialii* (1990). Sofiya. Vol. 2. 507 p.
- Zhukov, K. A. (2006). *Vostochnyi vopros v istoriosofskoi kontseptsii K. N. Leont'eva*. Saint Petersburg: Aleteiya. 228 p.